

Вместо предисловия

История – огонь, а не остывший пепел!

Валентин Пикуль

Столетие русско-японской войны вызвало настоящий взрыв в российском общественном сознании — во всяком случае, в той его части, которая еще не растеряла своих извилин и болеет душой за честь и славу Отчизны. События давно минувших дней, вроде бы уже получившие должную оценку историков, почти растаявшие в дымке времени и заслоненные куда более масштабными грозами XX века в виде революций и мировых войн, вдруг настолько сфокусировали на себе внимание, что впору представить, будто оборона Порт-Артура идет сегодня и от ее исхода зависит судьба России. Случайно ли это? Никоим образом.

Сегодня мы живем в условиях войны, которая неизмеримо страшнее русско-японской — войны информационной. Война против нас ведется на уничтожение. В этой войне одна из важнейших мишеней — это наша героическая история. Показывая наше прошлое в кривом зеркале, враг стремится забить нам в подсознание убежденность в нашей неизбежной ущербности, ничтожности и обреченности — а, значит, в неизбежном уходе России с исторической сцены.

Русско-японская война используется при этом как неоспоримое доказательство этой самой неизбежной российской ущербно-

сти — как же, ведь за всю войну не было выиграно ни одного сражения ни на суше, ни на море, и это при всем том, что стратегический перевес России над Японией изначально казался совершенно подавляющим. Эта парадоксальность мучительно переживается снова и снова каждым поколением.

Но в каждом поколении — свой тон переживаний. Сегодня это особый тон — мы обязаны дать достойный ответ вражьи информационным залпам. Знаменитая детская сказка о королевстве кривых зеркал на самом деле несет в себе взрослый и вполне современный смысл — сильнее оружия, чем правда, в информационной войне нет.

Сегодня получило широкое хождение словосочетание «манипуляция сознанием». Сплошь и рядом оно рассматривается как оболванивание с применением самых совершенных информационных технологий, целью которого является подталкивание к принятию запрограммированных решений, искренне выдаваемых за самостоятельные. Но! Само внедрение этого «нового» понятия есть информационная бомбардировка с целью ликвидации сознательного восприятия действительности. Запущен даже более витиеватый и совсем уж наукообразный термин — нейролингвистическое программирование.

Уф! Результаты — на каждом шагу.

Щуплые подростки обоего пола, изрыгая ненормативную лексику, по сравнению с которой Эллочка-людоедка — чистый Цицерон, сосут пиво «из горла» непременно в общественных местах и изображают при этом ненасытную жажду, хотя при наличии таковой оную бутылку можно выпить залпом, а не тянуть по капле, норовя забрызгать окружающих, и оставлять на самом видном месте недопитой. Попробуйте спросить: «Зачем вам это? Ведь пива-то совсем не хочется, к тому же холодно и пить неудобно!» Ответ запрограммирован: *чтобы не дать себе засохнуть!* Бесмыслица полная, но массовая.

Бабулька, еле переставляющая ноги, только что старательно рывшаяся в помойке, в день выборов вдруг молодеет лет на двадцать и с увлажнившимся от светлых устремлений челом рвется голосовать за Путина. Попробуйте спросить: «Чем он вас так очаровал?» Почтенная пенсионерка посмотрит с укором и даст ответ, который тоже запрограммирован: *а за кого же еще голосовать?* Совсем недавно бабульки и дедульки вот точно так же, с просветленным взором голосовали за Ельцина. Большинство из них уже нет в живых, но — бесмыслица полная и массовая.

Приведение примеров, как известно, не есть доказательство. Но оно может вполне служить опровержением. Опровержением хотя бы того, что вся наукообразная мерзость, призванная уничтожать в людях людей, то есть личности, и делать их одноклеточны-

ми, возникла как достижение сегодняшнего дня. Все это давно известно, господа, и разрабатывалось куда более серьезными людьми, чем сегодняшние «манипуляторы» и «нейролингвисты». Да, технические средства для этого сегодня используются помощнее, чем вчера. Но методы не несут в себе ничего нового.

Нет никакой «манипуляции сознанием». Нет никакого «нейролингвистического программирования». Есть *буржуазная пропаганда*, утверждающая *насилие через обман*.

Одним из наиболее эффективных способов воздействия на личность с целью ее уничтожения — ликвидация исторической памяти. Способ древний. Не случайно история всегда считалась самой субъективно-идеалистической областью человеческой умственной деятельности, пока не появился исторический материализм. Теперь его изо всех сил норовят затоптать, объявить устаревшим, изжившим себя, не оправдавшим надежд и т.п. И делается это с тем большим остервенением, чем более становится очевидным, что анализ исторического опыта именно с *научных* позиций (а это и значит — позиций исторического материализма) позволяет по-настоящему понять то, что происходит *сегодня* и дать научно обоснованный прогноз на *завтра*.

История делает человека гражданином — это об истории, изучаемой научно. История может уничтожить в человеке человека — это об истории, показываемой в кривом зеркале.

Глава 1. Фронтальной репортаж, или пора превратить информационную агрессию в настоящую информационную войну

Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет.

И.А. Крылов

Вряд ли можно привести более яркий пример «кривозеркальной» истории, чем то, что преподносят «манипуляторы» в «Исторических хрониках» Сванидзе, «Русском выборе» Н. Михалкова и ряде подобных же «телепроектов». Возьмем одну из передач Сванидзе за отправную точку. Это, безусловно, всего лишь капля в море «нейролингвистики». Но в этой капле отражается весь подлый мир буржуйских «манипуляторов». Мерзкая физиономия г-на Сванидзе сама по себе не заслуживает обсуждения — слишком уж она тривиальна. Но она олицетворяет собой весь нынешний режим насилия через обман — вот это, увы, заслуживает обсуждения.

Итак, наш «историк» (а он и в самом деле имеет диплом историка — вот уж где «даром преподаватели время со мною тратили») желает нам поведать про предпосылки революции 1905 года. Само собой, слово «революция» применительно к событиям этого

грозового для России года он что есть сил старается не упоминать. Что из этого получается — посмотрим.

Главная задача, решаемая в «проекте», обозванном «Исторические хроники» — это внедрение в массовое сознание и подсознание целого ряда исторических мифов, формирующих концептуальное представление о важнейших событиях, радикально отличное от того, которое сложилось за годы Советской власти. Поскольку этот «проект» рассчитан не просто на обывателя, жуящего «тележвачку» вроде рекламы пива или все время вылезавшего слогана «Единая Россия — сильная Россия» (вперемешку с ужасными криминального и политико-террористического толка), но на потребителя информационных блюд более «изысканного» вкуса, т.е. обывателя от интеллигенции (точнее, от «образованщины»), он предполагает некоторое шевеление извилинами. Само собой, означенное шевеление обязано быть запрограммированным. Поэтому «просто так» мифы не преподносятся. Для их доведения до «потребителя» применяется классический заведомо некорректный прием ведения полемики — *ложный авторитет*. Суть метода — в том, что нужные тезисы внушаются через посредство очень авторитетной личности — такой, чтобы преклонение перед мнением этой личности было «забито» в «потребителя» на уровне рефлексов. При словах, вкладываемых в уста такой личности, у «потребителя» отключается критическое осмысление сказанного (как у

ребенка перед матерью или у первоклассника перед школьным учителем). Это может быть, например, человек, авторитет которого привычен в течение нескольких поколений (в той же рекламе пива лучшими друзьями пивовара Ивана Таранова являются Эйнштейн, Менделеев, Циолковский, Шаляпин и т.д. — с детства мы доверяем великим ученым, писателям, артистам как блестящим примерам для подражания, властителям умов и чувств). Но такой авторитет больше подходит именно для рекламы пива — все-таки взрослый человек склонен к высокой оценке профессиональных качеств исторического персонажа, проявлений практической сметки, находчивости, везения и т.п. Молва склонна приписывать таким людям заслуги, коих у них, может быть, и не было, но очень хочется, чтобы были.

Вот в качестве такого «великого профессионала» и «палочки-выручалочки» Сванидзе выбирает графа Витте. Почему именно Витте? Ведь можно было вполне успешно «выловить» кого-нибудь другого из царского окружения, кто оказал большое влияние на события в предреволюционной России? А вот тут-то и возникают те самые мифы, которые необходимо «внедрить».

Генеральная линия сегодняшней официальной пропаганды (хотя слово «пропаганда» официальные и неофициальные власти о-чень не любят, как до тонкостей проработанное в марксистской

литературе) в отношении дореволюционной России выражается следующим набором заклинаний:

- Россия в начале XX века стремительно развивалась и скоро стала бы величайшей и богатейшей страной мира (вровень с Западом, а, может, и выше), если бы не всякие революционные смутьяны.
- Все мы сегодня жили бы не хуже, чем живут «у них», потому что жили бы в богатой стране.
- Богатыми страны становятся потому, что в таких странах живет много богатых людей, которые могут хорошо платить тем, кто на них работает.
- В богатых странах даже нищие живут лучше (т.е. обеспеченнее) любого жителя совдепии, т.е. того общества, которое строили проклятые большевики, — так много благ вокруг богатых людей. Люби богачей и старайся все делать, как они велят.
- Мы бедны исключительно потому, что произошел октябрьский переворот (упаси боже называть это Великой Октябрьской революцией!). Из-за него мы потеряли наше богатство. То есть, проклятые большевики нас обокрали.
- Обкраденный, воспылай жалостью к себе и к несчастным своим обкраденным предкам, а заодно — воспылай ненавистью к ограбившему тебя охамевшему быдлу, которому

не сумел указать его настоящее место слишком гуманный и добродушный царь.

- Рабочий! Твой прадед был жестоко обманут большевиками и пошел на баррикады. Если бы этого не произошло, ты сегодня зарабатывал бы, как американский рабочий.
- Интеллигент! Ты был бы сейчас дворянином со всеми соответствующими привилегиями, а совдепия смешала тебя с дерьмом.
- Во всем виноваты омерзительные «шариковы», то есть коммунисты, которые только и мечтают снова все у всех отнять и поделить. Не может поэтому быть более ненавистного слова, чем «коммунист».
- Лучше поздно, чем никогда! Сегодня мы, демократы, исправляем ошибки прошлого, отмеченного коммунистическими кошмарами. Во имя этой великой цели нам можно простить всё. То, что делалось большевиками и коммунистами, бесконечно более страшно и ужасно, чем любые нынешние реформы.
- Не повторяйте ошибки своих предков в 1917 г., не желавших терпеть и оттого по неразумию не давших вам стать такими же обеспеченными, как жители «нормальных стран».

Любое из этих заклинаний по отдельности может быть легко опровергнуто, если только вести полемику *честно*, т.е. соблюдать законы логики и использовать корректные приемы. Но в том-то и дело, что доблестные «нейролингвисты» и «манипуляторы» отлично это знают и ни за что в корректную полемику не полезут — у них нет никаких шансов ее выиграть. Они многократно могли уже в этом убедиться на протяжении всего двадцатого века. Однако в совокупности эта система заклинаний вместе с всевозможными вариациями рождает в голове обывателя устойчивое мировоззрение, целостную картину мира, от которой ему нет никаких видимых причин отказываться — при условии постоянного повторения этих заклинаний и постоянного подтверждения их правильности «независимыми экспертами» (именно для этого и создаются «проекты» вроде сванидзевских «хроник» или михалковского «выбора»). И Витте (вернее, сложившееся о нём представление) — отличный кумир, выражающий суть этих заклинаний.

Ну а то, что не все знают, кто такой Витте — так это не беда. Сейчас Сванидзе сообщит вам всё, что нужно и *как нужно* — и вы поймете, какой великий умница и профессионал, какой гений, какой замечательный человек граф Витте, образ и прообраз нынешних реформаторов. Как же такого гения не послушать, такого благообразного и интеллигентного, с бородой? И коль Витте делал

всё то же, что и нынешние реформаторы — ужель нам снова наступать на те же грабли?

Ну, а тем временем, пока перепуганный обыватель вздрагивает от химер «ужасного прошлого», вот уже 15 лет терпит и ждет, когда же Россия станет «богатой страной», в которой всем будет хорошо жить (главное, чтобы стало как можно больше богатых людей, ну а если ты сам не разбогател, ты — жалкий неудачник и просто дурак), кое-кто в неопикуемых масштабах разворовывает и распродает как наши природные богатства, так и все с таким трудом наработанное за те самые «проклятые годы совдепии». А чтобы власть ему не мешала это делать, он ее до поры до времени неплохо прикармливает.

Ситуация до безобразия похожа на то, что происходило сто лет назад, только значительно омерзительнее. Тогда-то все старания властей избежать революции через «маленькую победоносную войну» привели как раз к ускорению столь нежелательного для них процесса — война получилась совсем не победоносной и во все не маленькой, а революция как раз и вспыхнула, подхлестнутая этой несчастной для страны и позорной для царского режима войной. Возможности же «нейролингвистов» были существенно меньше, чем сегодня.

А сегодня для внедрения вышеуказанных мифов исключительно полезна раскрутка образа Витте и пропагандирование его

взглядов как взглядов умнейшего, порядочнейшего и талантливейшего профессионала и суперфинансиста, а также привязка деятельности Витте к современным «реформам». Дальше — уже подготовленный, «образованец» сам сделает все необходимые выводы.

Отметим, что вопреки расхожим среди «образованщины» представлениям, роль Витте в российской истории была далеко не однозначна. Главное дело жизни Витте — финансовая реформа — было достаточно успешным. Но почему она оказалась необходимой? Чтобы прикрыть дыры, образовавшиеся из-за остальных его же деяний. Многие историки (совсем не «прокоммунистического» толка) употребляют в отношении Витте весьма нелицеприятные характеристики, самая мягкая из которых — «авантюрист».

Лихой «нейролингвист» и «дипломированный историк» Сванидзе в качестве непреложной истины использует мемуары Витте. Но — лишний раз приходится пожалеть его учителей, признавших его в свое время «достойным квалификации историка», как принято писать в отзывах и рецензиях на дипломные работы — любой историк знает, что мемуары — самый ненадежный источник информации, и никакие выводы не могут считаться доказанными, если мемуарные сведения не проверяются по другим источникам. Любые мемуары — вещь субъективная, в них автор непременно мажет грязью своих врагов и изображает себя в как можно более

привлекательном виде. Тем более, если брать мемуары Витте — в них явно прослеживаются личные обиды и пристрастия. Здесь субъективизм — это не просто «кривое зеркало», но еще и с огромным увеличением. И вот это-то и выбрано фундаментом для «концепции», внедряемой в общественное сознание. Ай да «дипломированный историк»!

Итак, Сванидзе рассказывает о событиях 1905 года. Предварительно на экране мелькает множество фотографий под тревожную музыку и на кровавом фоне — рассмотреть ничего нельзя, но создается ощущение, что сейчас речь пойдет о чем-то очень тяжелом и страшном. Положительным контрастом с этим проходит кадр с самим Сванидзе. Он спокоен, неторопливо закрывает какую-то книгу (понимай — те самые мемуары Витте) и проникновенно смотрит в глаза зрителю: вот, мол, я весь перед вами. Я честен, ничего не скрываю... Вы должны мне верить (при этом он не забывает выставлять себя то в профиль, то издали, то слишком близко к объективу — это чтобы не слишком бросался в глаза факт его перекошенной от постоянного вранья физиономии. В этом плане он ушел зна-ачительно дальше булгаковской секретарши из «Мастера и Маргариты», которая вралась существенно меньше, и поэтому у нее перекосило только глаза).

Вот Сванидзе у монумента на Красной Пресне.

Без тени сомнения, как об абсолютно очевидном, «ясном даже и ежу», он говорит, что первая русская революция (от слова «революция» его при этом аж передергивает) была следствием поражения в русско-японской войне. Этим он уводит зрителя от осознания того факта, что на самом деле причину и следствие надо поменять местами — главными причинами революции вообще-то были невыносимые условия жизни большинства населения России и, соответственно, недалёковидная, грабительская по отношению к своей стране и своему народу политика верхушки российской власти (почти как сейчас). Не революция была следствием войны, а война была затеяна для того, чтобы отвлечь народ от революции. Но Сванидзе упорно долбит об этом для того, чтобы привести зрителя к мысли, что причина социального взрыва может быть только внешнеполитической — поскольку на самом деле в империи большинству жилось хорошо и зажиточно, как учит «генеральная линия нейролингвистической пропаганды», — и, если бы не горсточка смутьянов и трагических неудач, ничего такого не было бы. Надо уводить зрителя от сомнений в базовых заклинаниях (смотри выше).

Заезженный тезис о внешних причинах революции стар, как мир. «Дипломированному историку», в частности, полезно бы вспомнить, что написано в «Гражданской войне во Франции» Маркса, где с невероятной силой показано, что не Парижская

коммуна была следствием поражения Франции в войне с Пруссией, а сама война с Пруссией была затеяна Луи Бонапартом для того, чтобы «спасти империю», в которой внутренняя политика новоявленного Наполеона привела к невиданному обострению всех мыслимых и немыслимых противоречий.

Но разве примет «нейролингвист» Сванидзе корректные приемы ведения полемики, а именно: превращение ложного авторитета в истинный? Ни в коем случае. Что там Маркс! Вот Витте — это да.

Поэтому не будем обращаться к более чем убедительным аргументам, (по которым учили истории самого Сванидзе), доказывающим марксистско-ленинскую точку зрения на причины революции 1905 года, а обратимся к мемуарам, включающим дипломатические документы — воспоминаниям французского посла в России Мориса Бомпара.

По его словам, "внутренние беспорядки причиняли в это время серьезное беспокойство русскому правительству". Отражение ситуации на 1903 г.: *"уже давно происходили студенческие волнения в университетах, а также в промышленных центрах. Одни носили сугубо политический характер, участники других предъявляли требования экономического порядка. Конечно, они не нравились правительству, но они его пока не волновали. Сильно разобщенные, они быстро заканчивались, тем более что не со-*

ставляло особого труда подавить их энергичными мерами. Только при одном подавлении, по признанию самих властей, было 128 жертв. Но студенты и рабочие не мыслили по-разному, и первые выдавали последним, авансы, которые были услышаны. Это было хорошо видно в марте 1901, когда рабочие, по призыву студентов, сосредоточились в компактном блоке от десяти до двадцати тысяч демонстрантов и прошли по Невскому проспекту, в колонне, разделенной между двумя рядами любопытных, озадаченных этим зрелищем, на глазах у полиции, правда, не давая ей повода для вмешательства. Они хотели в этот день только произвести впечатление на власть своим количеством и своей дисциплиной".

Как видно, г-н Бомпар, будучи более чем далек от марксизма, не гнушался классовым анализом событий в России. Внимательно пронаблюдав за поведением рабочего класса и студенчества (завтрашней интеллигенции), он не мог не обратить взора на самый многочисленный класс России — крестьянство:

«...Но вот в 1903 крестьяне вступают в игру. Их претензии - общественный порядок; в основном, они требовали землю. Это движение, начавшееся еще в 1902, сурово подавлялось. Оно возростало, и в 1903 грозило превратиться в крестьянскую войну («жакерию», как ее называл на свой, французский лад месье Бомпар — авт.). Правительство, наученное опытом, оценило эту уг-

розу, на этот раз репрессии должны были сочетаться с реформами».

По мнению г-на Бомпара, не без подстрекательства министра внутренних дел Плеве император опубликовал 12-го марта 1903 года манифест, обещавший крестьянам не землю, а улучшение их доли. Режим совместного пользования крестьянской землей, коллективизм крестьян были специально сохранены. Посол отмечал, что *"это было странное положение дел, удовлетворение собственников, которое хорошо понималось. Однако, что их касается, то они сохранили свои владения в частной собственности. Тем не менее, сильно дорожили тем, что крестьянин не мог индивидуально стать собственником земли, и он был ограничен коллективизмом в аграрном секторе"*.

Напрасно посол предпринимал несколько попыток убедить некоторых из представителей властей в несоответствии этих двух способов пользования землей в одной и той же стране. *"Кончайте с этим", — говорил я им, — "переходите к другой форме, если удерживаете ваши наделы. Вы опередите революционеров и разовьете у крестьянина вкус к тому, что имеет Вы сами, к частной собственности на землю"*.

Ему неизменно отвечали, что частная собственность у крестьян неизбежно и очень быстро приведет к неравенству между ними и создаст, таким образом, в России сельский пролетариат,

который был одним из слоев западного общества. Тогда как в условиях «мира» (*"так называлась в России сельская коммуна"* — *примечание г-на Бомпара*), сельский пролетариат не существовал; напротив, в крестьянской среде шли слухи о том, что его образование обострит социальную напряженность.

В своих воспоминаниях г-н Бомпар отмечает, что, таким образом, «мир» был сохранен. При этом, по его словам, *«...император пытался устранить одно из его наиболее тягостных последствий: коллективную крестьянскую поруку при уплате налогов. Также было объявлено и о другой значительной реформе, послабления для крестьян выхода из своего общественного класса, т.е. освободиться индивидуально от работы на земле, как в 1861 их освободили от службы своему сеньору»*.

Все эти реформы, среди которых мемуарист выделяет наиболее значимые, были только обещаны; они остались мертворожденными. В течение этого времени аграрные беспорядки все больше и больше продолжались; они особенно беспокоили власти, потому что войска разделяли популярные идеи и не могли быть верными, когда речь шла о действиях против крестьян. Так, например, в Туле в 1902 г. сержант отказался дать приказ своему подразделению стрелять в народ; полковник, сделавший вид, что всадит ему пулю в лоб, был убит своими собственными солдатами ударами штыков.

Отвлекаясь от забавной французской интерпретации отмены крепостного права (как видно, почтенный посол значительно прочнее торчал в средневековье, чем даже российский государь император), нельзя не отметить озабоченность правительства положением крестьян. Крестьянская община стремительно разлагалась. Этот процесс обуславливал бурный рост пролетариата — неизбежные явления, связанные с развитием капитализма. Но столь же неизбежными были нарастающие противоречия во всем обществе, которых царизм боялся и искал способы их устранения, не желая только соглашаться с самым простым и естественным способом — устранением самого себя.

Не менее серьезные беспорядки происходили и в промышленных центрах. Вот несколько выдержек из отчета, который посол представил своему министру иностранных дел Делькассе в августе 1903 года.

"Забастовки полыхают со всех сторон... На берегах Черного и Каспийского морей, на всем юге России и в Закавказье, они умножаются, и, прежде всего, становятся всеобщими. Чаще всего требования бастующих остаются неясными; они носят как политический, так и профессиональный характер, не уточняя ни один пункт; они свидетельствуют о состоянии недомогания народа, но не отвечают его чаяниям. В этих условиях забастовка... часто носит криминальный характер: в Сосновице, в мае

1902, инженер был убит рабочим, а в феврале 1903 мастер; в январе 1903 заводы бастовали в Лодзи и в Батуми; в Батуми, за последний месяц, около шестидесяти шахт охвачены забастовками... Те из представителей власти, кто использовал репрессии, не избегали угрозы после нанесенного удара, так как месть их наступала; сначала это был губернатор Вильно, который был убит, в другой раз — губернатор Уфы, которого настигли пули;... верно, что репрессии в отношении университетов и рабочего движения всегда жестоки и нередко кровавы... Только за этот год власти прибегли к вооруженной силе в Ростове, в Златоусте (80 жертв), в Одессе (100 убитых), в Михайлово (40 жертв), в Тифлисе, в Баку и в Николаеве; в Киеве стреляли в бастовавших мужчин, женщин и детей, лежавших на путях и мешавших движению поездов"...

"Все классы общества", — писал Бомпар Делькассе — "находятся в возбужденном состоянии. Неделимость земли в сельских районах, которые еще недавно были гордостью русских экономистов, делали крестьян готовой добычей для агитаторов, численность которых росла, выдвигали ряд требований для общины, в противном случае сами силой захватывали дворянские поместья. Пролетариат, формирование которого началось несколько лет назад, сразу продемонстрировал свою революционность, и выдвинул свои требования, выраженные в наиболее жестокой

форме. Учащиеся школ, выходцы, по большей части, из достаточно бедных кругов, являлись рассадником анархизма, и наиболее умеренные молодые люди, которые выходили из университетов, если не принимали непосредственного участия, то, по крайней мере, аплодировали покушениям террористам; торговцы, в которых все были готовы видеть третье сословие, состояли, за исключением нескольких очень почетных деятелей в больших городах России, из хищников — спекулянтов и нескольких добросовестных элементов; дворянство фрондировало, кипело и, однако, было лишено практической сметки; бюрократизм являлся одним из бедствий страны. Таково было положение дел в общественном устройстве".

Французский дипломат пытался объяснить эту ситуацию следующим образом: *«...нынешние несчастья, казалось, происходили в силу того, что предстояло пройти еще долгий путь, чтобы определить свою судьбу; русский народ, казалось, хотел выбрать не то направление, в котором Петр Великий двигал руководящие классы».*

Не правда ли, весьма красноречивое заявление, причем его нельзя истолковать как чисто пропагандистское. Будь Бомпар социал-демократом или хотя бы сочувствующим, можно было бы, зажмурившись, как это любят делать господа демократы нынешнего замеса, орать про «классовую зашоренность». Но Бомпар был

до мозга костей правым политиком, искренне стремящимся избавить Россию от «беспорядков». Он-то ни в каком разрезе не был заинтересован в «придумывании революции», поскольку стоял на страже интересов французского капитала в России. Это его «собратья по классу» отдавали приказы о военном вторжении в революционную Россию, превратившуюся одним махом из союзника во врага. Это такие, как Бомпар, предъявляли ультимативные требования на Генуэзской конференции о выплате царских долгов и зажимали уши, слушая речь Чичерина о потерях России в результате интервенции, далеко превышающих все царские долги.

Но в своих мемуарах бывший французский посол не ограничивается классовым анализом революционного движения в России накануне русско-японской войны. Он достаточно обстоятельно анализирует деятельность полиции, которая к этому времени уже мастерски научилась внедрять своих агентов во все ветви революционного движения, и приходит к выводу, что, несмотря на беспрецедентную виртуозность работы ведомства Плеве, надежды на успех здесь быть не может, поскольку революционные идеи в России усваиваются еще с детства: *«Те, кто по окончании обучения не могли найти применение полученным знаниям, которые они приобрели, и носителями которых они были, переоценивали свои возможности и охотно создавали революционные объединения или организовывали покушения...»*

Оставим в стороне заявление Бомпара о том, что молодежь России «переоценивала свои возможности» в части применения полученных знаний. Скорее, сам г-н Бомпар недооценивал эти возможности. Во всяком случае, он мог в этом убедиться в 1917 г.

Но что обращает на себя внимание: дипломат подчеркивает, что он *"имел возможность, в течение некоторого времени, просматривать публикации в газетах о количестве покушений со смертельным исходом, о которых печать была уполномочена сообщать, и жертвами которых становились чиновники любых рангов, от министров и губернаторов до подчиненных агентов"*.

По его подсчетам их выходило в среднем до двадцати в месяц.

И это — только по публикациям в газетах! Причем даже нет смысла подчеркивать, что Бомпар читал только легальную прессу, до которой доходила далеко не вся фактическая информация.

Вот так «процветание», нечего сказать!

Да вся Россия просто клокотала от ненависти к царским порядкам. Волна классовой борьбы поднималась с такой силой, что власть буквально вырывалась из рук правительства.

Как видим, французские дипломатические представители в России пристальное внимание обращали и на внутреннее положение в Российской империи, которое беспокоило союзницу не менее военных неудач на полях Маньчжурии и на берегах Желтого моря. Но вот прошло сто лет — и нам что есть силы «впаривают»

совсем другое. Однако — помните, господинчики, что у лжи ножки коротенькие, хотя Владимир Высоцкий и пел о том, как «грубая ложь чистокровную лошадь украла и ускакала на длинных и тонких ногах» — скакала-то она не на своих ногах, а на ворованных лошадиных!

Вернемся от Бомпара к Сванидзе (хотя это вызывает само по себе глубокую тоску. Правый реакционер Бомпар по сравнению с современными склизкими «нейролингвистами» кажется вполне почтенным человеком, и его мысли гораздо интереснее изучать, хотя это мысли классового врага).

Итак, наш «честный» историк, стараясь не демонстрировать перекошенную враньем физиономию, перечисляет заслуги Витте, среди коих едва ли не главная — удачный мир с Японией. В общем, такой замечательный министр — и миротворец ещё вдобавок... От фимиама прямо головка кругом!

Стоп. Что такого уж удачного было в мире с Японией?

Мы потеряли Квантунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, отдали японцам Южно-Маньчжурскую железную дорогу, южную половину Сахалина со всеми главными морскими портами, Курильские острова, признали Корею сферой влияния Японии. Вместе с потерей ЮМЖД и всех возможностей в Корее мы фактически утратили как сферу влияния и Маньчжурию, хотя за нами осталось формальное право пользования Китайско-

Восточной железной дорогой, но под японским протекторатом. В качестве «удачи» остается только то, что нам удалось избежать унижительной контрибуции. Да и то, как потом оказалось, контрибуцию с нас все равно содрали, только по-другому назвали.

И это при всем том, что Япония обратилась к США с просьбой о посредничестве в заключении мира в момент своего наивысшего триумфа в войне — через три дня после Цусимы. Экономика Японии уже была на грани полного истощения. Кроме того, японцы нисколько не обольщались своими успехами. Россия к началу 1905 г. отмобилизовала, наконец, запланированные сухопутные силы и сосредоточила на границах Маньчжурии без малого миллионную армию. В перспективе продолжение войны ничего хорошего Японии не сулило, хотя Россия и осталась без флота — ведь для военных действий в Маньчжурии флот не требовался, а перебрасывать туда по морю японцам уже было нечего — все стратегические резервы были задействованы. Японский военный атташе в Париже вскоре после Портсмута откровенно признавался нашему А.А. Игнатьеву (тогда пока еще и.о. атташе): «Мы не ожидали такого затяжного характера войны. Еще меньше мы могли предвидеть, что, сохранив армию, вы сумеете довести ее численность к концу войны до миллиона людей!».

Поэтому «миротворец» Витте никаких особых выгод для России в Портсмуте не завоевал. Более того, в ходе переговоров

явно просматривалась возможность сохранить за Россией весь Сахалин, но Витте с легкостью «клюнул» на приманку в виде отмены контрибуции в обмен на половину Сахалина, подсказанную японцам их американскими покровителями.

Кстати, в обширной литературе о русско-японской войне события на Сахалине летом 1905 г. отражены более чем скупо. Даже у внимательных читателей складывается впечатление, что дальше бросания якорей на рейдах главных портов Сахалина японцы не пошли. Поскольку переговоры о мире начались вскоре после Цусимы, а военные действия в Маньчжурии после Мукдена надолго прекратились (исключая небольшие стычки «местного значения»), можно подумать, что кровь Цусимы была последней кровью русских, пролитой в этой несчастной и позорной войне. Дескать, японцы, убоявшись огромной силы, нависающей над границами Маньчжурии, только и думали о том, как бы поскорей закончить войну и не дразнить дальше «русского медведя».

Как бы не так!

Японцы, действительно, весьма некомфортно чувствовали себя, разглядывая оперативные карты Маньчжурии и прилегающих к ней обширных пространств Китая, Кореи и русского Дальнего Востока. Стратегические резервы были исчерпаны, все дальнейшие возможности развития экспансии зависели от США и Англии, уже потерявших заинтересованность в укреплении пози-

ций Японии на Тихом океане, золотой запас таял со все возрастающей скоростью. Но, ведя переговоры о мире, японцы изо всех сил стремились к максимально удобной позе на этих переговорах. А это значит, что чем больше земель они оккупируют к моменту подписания мирного договора, тем выгоднее для них будут условия. Но куда удобнее всего протянуть жадные лапы?

На материке разворачивать новое наступление опасно — смотри выше. Того и гляди, миллионная группировка русских войск придет-таки в движение. На море вроде все уже сделано — от русского флота практически ничего не осталось. Но по земле броненосцы не ходят. Значит, надо высадить десант. Но куда? На материк — нельзя, уже высадили все, что можно, и убрать оттуда ничего тоже нельзя. Продвинуться по линии Курил на Камчатку — пробовали, но ничего не вышло — камчатское ополчение героически сбросило весь десант в море. Обожглись самурайчики на Камчатке, как за полвека до этого англичане с французами. Кроме того, экспансия японцев на Камчатку очень прохладно встречалась американцами — главным «кредитным кошельком» Японии. Дядюшки из-за океана видели будущими хозяевами Камчатки вовсе не японцев, а самих себя, любимых.

Оставалось одно — рвануть на Сахалин. Японцы прекрасно знали, что на Сахалине, как и на Камчатке, нет регулярных русских войск. Сахалин был традиционным «краем света», куда рос-

сийские подданные попадали вовсе не по своей воле. Однако, помня Камчатку, японцы высадили на Сахалин не батальон, а целую дивизию специально подготовленных головорезов. Головорезов в самом буквальном смысле слова, виртуозно владевших самурайскими мечами. Сахалин, по примеру Камчатки, выставил народное ополчение, вооружив всех, кто мог держать винтовку, даже бывших каторжников, превратившихся в ссыльнопоселенцев. Но самурайский «спецназ» был на сей раз неизмеримо сильнее батальона с острова Шумшу, уничтоженного мужественными камчадалами — казаками, охотниками, рыбаками, каюрами, опиравшимися на поддержку крестьян из прибрежных деревень. Озверелые пришельцы устроили на Сахалине жесточайший геноцид в самом страшном смысле этого слова. Русским офицерам, взявшимся командовать отрядами ополчения, с особым сладострастием рубили головы. Рядовых ополченцев кромсали на части штыками. Даже прикованных к тачкам безоружных каторжников рубили в капусту. Так что полагать, что русская кровь перестала литься после Цусимы — это наивнейшее и жесточайшее заблуждение! На Сахалине ее было пролито столько, что впору было покраснеть водам Тихого океана. Среди многих тысяч русских пленных, попавших в Японию, с Сахалина были единицы (всего 98 офицеров). Их к этому времени предпочитали не брать в плен — самураи экономили на хлопотах и открыто заявляли, что война истощила казну. Мо-

жет быть, именно поэтому в исторической и прочей литературе очень мало подробностей о сахалинском лете 1905 г. Во-первых, нашим историкам совсем невмоготу было признавать и анализировать тот факт, что война уже переместилась на *российскую территорию* — ведь до этого самурайские кривые ноги топтали Китай и Корею. Во-вторых, просто *почти не осталось уцелевших свидетелей этих событий*. А японцам, по вполне понятным причинам, распространяться об этом было не с руки — ведь переговоры о мире-то велись! Велись в это самое время, летом 1905 года. И возглавлял их с российской стороны не кто иной, как Витте.

*Премьер-министр Российской империи,
глава российской делегации
на переговорах в Портсмуте
Сергей Юльевич Витте*

Итак, на переговорах в Портсмуте Витте показал себя вовсе не как искусный дипломат, умеющий отстаивать интересы России даже там, где это кажется невозможным, а как средней руки ци-

ничный купец, для которого деньги заслоняют все остальное, даже реки крови, пролитой на Сахалине. Витте с ликованием рассматривал как свой успех эту самую отмену контрибуции и сохранение прав пользования КВЖД, поскольку КВЖД, как и ЮМЖД, была его детищем. Детищем, надо признать, уродливым, потому что ни та, ни другая железные дороги не остались в итоге российскими и принесли только гигантские убытки. Кстати, «добрые дяди» из Америки, обдулив Витте на половину Сахалина (за что он заработал в народе презрительный титул «граф Полу-Сахалинский»), «кинули» и японцев, отказав им в обещанном дополнительном кредите. А японцы постарались выкрутиться за наш счет. Ай да «миротворец»!

Само собой, о фактическом содержании Портсмутского мирного договора Сванидзе предпочитает не распространяться. Зато он с удовольствием расписывает, какое хорошее впечатление произвел Витте на американцев, как его везде принимали и т.п. Как же, разве можно сомневаться в гениальности нашего обожаемого кумира?

Однако, кроме демонстрации жалкой роли Витте на переговорах в Портсмуте, не вредно было бы сначала повнимательнее присмотреться к роли Витте в самой войне, т.е. его влиянию на дальневосточную политику России накануне войны. Сванидзе предпочитает об этом помалкивать. И очень даже понятно, почему

— роль эта совершенно неприглядная и никак не создает вокруг Витте ореола гениальности. Это роль *творца поражения*.

Вообще-то дальневосточная политика России на рубеже XIX-XX веков освещена в очень многих источниках. Недостатка в информации здесь нет. Но, как и в вопросе о причинах и следствиях русско-японской войны, лучше всего обратиться к источнику, который невозможно заподозрить в симпатиях к Советской власти, потому что гарантирована непредвзятость в отношении к «вылепляемому» кумиру.

Слово белоэмигрантскому историку А. А. Керсновскому, автору книги «История Русской армии»:

"С 1895 года политика России на Дальнем Востоке резко меняет свой характер. Вместо разработки своих богатств, как то полагал Император Александр III, учреждая Сибирский путь, мы позарились на чужие, нам ненужные земли. Реализм сменился авантюризмом. В 1897 году Россия приобрела у Китая в аренду Порт-Артур, объект японских мечтаний, результатом чего явился взрыв ненависти к нам в Японии. Война с Россией там стала делом решенным — и сорок миллионов японцев стали к ней готовиться, как один человек. Каменистый и мелководный порт-артурский рейд решено было сделать нашей главной базой на Тихом океане, и там намечена была сооружением крепость. Став полномочным вершителем судеб России, Витте пошел еще

дальше. Вместо того чтобы продолжать Сибирский путь вдоль Амура, как повелел в свое время Александр III, он повел его по китайской территории через Маньчжурию. Так возникла в 1898 — 1900 годах Восточно-Китайская железная дорога — грандиозное культурное русское дело на Дальнем Востоке, пробудившее к жизни огромный и богатый край. На протяжении жизни одного поколения население Маньчжурии с 3 миллионов увеличилось до 30. Из ничтожной рыбацкой деревушки Харбина в несколько месяцев возник большой город, в несколько лет — главный промышленный и населенный центр края. Русское золото полилось рекой, обогащая чужую страну. Русское население Приамурского края осталось без железной дороги; дорогу зато получили китайцы, а затем, увы, японцы. Столь необходимая для русского Дальнего Востока Амурская дорога была сооружена в 1908-1911 годах.

Все это строительство стоило огромных денег. Витте поступил просто. Располагая финансами по своему усмотрению, он добывал нужные средства путем урезывания кредитов Военному и Морскому ведомствам. Стоимость всей авантюры возлагалась с легким сердцем на армию и флот, которым еще пришлось платить за все своей кровью... На арендованном Ляодуне Витте решил устроить коммерческий порт — в явный ущерб Владивостоку. Искусственно был создан город Дальний, который наши офицеры не без основания стали называть Лишний. Витте смотрел

на это, как на вопрос своего личного престижа и не жалел затрат. Деньги на сооружение этого удивительного города Витте достал из кредитов, отпущенных на укрепление Порт-Артура. Строитель Порт-Артурской крепости инженер-полковник Величко представил смету на сооружение верков, рассчитанных на 11-дюймовый калибр. Витте приказал сократить эту смету вдвое и ограничиться укреплениями, рассчитанными на 6-дюймовые снаряды. Освободившиеся таким образом миллионы он употребил на украшение Дальнего.

Артурские форты стояли недостроенными, но в Дальнем сооружалась монументальная лютеранская кирха на случай, если в открываемый порт станут заходить немецкие либо скандинавские корабли и их команда захочет помолиться. Артурская крепость осталась недостроенной, зато Дальний был оборудован по последнему слову техники и, только что законченный, преподнесен японцам, которые и мечтать не могли о лучшей базе для действий против России, в частности против Артура.

Дальний убил Порт-Артур. Вся эта авантюра стоила России десятков тысяч жизней, целого флота, 3 миллиардов бесцельных затрат, великодержавного престижа и тяжких внутренних потрясений. Главный ее виновник сумел извлечь выгоду для себя из самого банкротства своей политики, став «графом Портсмутским» и сумев придать законную форму внутреннему врагу учре-

ждением Государственной думы... Убежденный германофил, Витте пользовался полной поддержкой Германии в дальневосточной своей политике, как нельзя больше отвечавшей германским интересам. Вильгельм II не жалел поощрений — памятен остался сигнал, поднятый на грот-стенге «Гогенцоллерна» при расставании монархов в Бьоркских ихерах: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

Не будем слишком придираться к неточностям, допущенным Керсновским — по всей видимости, он многое писал просто по памяти, не располагая под рукой нужными документами. Эмиграция есть эмиграция.

Не Порт-Артур явился причиной, вызвавшей осатанелую подготовку Японии к войне против России, а более ранние события, связанные с японо-китайской войной 1894-95 гг. Порт-Артур был не главной болевой точкой среди противоречий на Дальнем Востоке, а лишь одной из многих, и был арендован не в 1897, а в 1898 г. Витте, кстати, не был сторонником аренды Порт-Артура, потому что его интересы были сосредоточены главным образом вокруг КВЖД и Русско-Китайского банка. Строительство этой магистрали началось не в 1898, а в 1897 г. и закончено не в 1900, а в 1901-1903 гг., причем в два этапа — 21 октября 1901 г. была завершена укладка рельсов одновременно на всем пути КВЖД и ЮМЖД (при этом пришлось восстанавливать почти 1000 км по-

лотна КВЖД, разрушенного во время «боксерского» восстания 1900 г.), а 1 июля 1903 г. открылось регулярное движение — по КВЖД от Читы до Владивостока, а по ЮМЖД от Харбина до Порт-Артура. И еще надо внимательно посмотреть, кто был бóльшим германофилом — Витте или сам государь император.

Но в главном с Керсновским невозможно не согласиться — все это пошло, как мы знаем, псу под хвост.

Касательно строительства Порт-Артура и Дальнего (кстати, офицеры именовали Дальний не только «Лишний», но и «Вредный») можно добавить еще очень много убийственных для Витте подробностей. Но, не вдаваясь в длительные перечисления фактов головотяпства, заметим только: мало того, что запланированные укрепления Порт-Артура не были достроены, потому что деньги были переброшены на строительство Дальнего и ЮМЖД, но в ходе работ в Дальнем половина казенных денег была просто разворована.

Такой вот «финансовый гений». Одно слово — авантюрист.

Здесь настолько сильно просится аналогия с современными «реформаторами», что удержаться невозможно. Сегодняшние «финансовые гении» далеко «переплюнули» Витте в «несанкционированном использовании бюджетных средств» (так теперь предпочитают именовать то, что при Витте называлось казнокрадством). Строятся нарядные торговые центры, забиваемые яркими

безделушками, создается красивая ежедневная вечерняя подсветка зданий, устраиваются шумные ярмарки с толчеей и иллюзией пониженных цен, проводятся помпезные празднования «дней города», «фестивалей пива», разные «презентации» с демонстрацией обжиряющихся «хозяев жизни» («делай как я!»), т.е. предпринимаются немалые усилия для создания *видимости* «налаживания жизни». То бишь бросают людям косточку: видите, всё становится как обещано, «как у них»...

И это — вместо поддержания армии на должном уровне и ежегодного обслуживания энергосистем. «Сэкономили» (то есть украли) колоссальные средства, пустили один процент из них на развлечения и на барахлишко — вот, вроде бы проблем и нет. Те самые дебилные детишки, для которых главное — «не дать себе засохнуть», и бабульки, для которых главное — успеть проголосовать за того, на кого в ящике можно без конца любоваться («а за кого же еще?») — счастливы.

А теплотрассы аж с советских времён так необслуженные и стоят. И скоро число «техногенных катастроф» существенно превысит возможности коммунальных служб по их устранению, которые и сами неуклонно сокращаются. А что это означает? Это означает, что в случае морозов начнут гибнуть целые огромные районы. Притом даже самый ленивый студент (не говоря уже об умных школьниках) запросто может посчитать, что количество таких

аварий должно нарастать лавинообразно по всей стране, и никакое МЧС дела не исправит.

А в армии отключают электроснабжение ракетных комплексов, стоящих (пока еще стоящих!) на боевом дежурстве. А на флоте гноят у причала стратегические атомные ракетноносцы и продают на металлолом лучшие в мире корабли. А на стратегических аэродромах пилят пополам лучшие в мире самолеты. А в космосе сгоняют с орбиты лучшую в мире орбитальную станцию и топят в море...

Куда там Сергею Юльевичу Витте, графу «Полу-Сахалинскому», до современных «финансовых гениев!». Г-но Сванидзе, сиюсь превознести его заслуги ради утверждения «дерьмомифов», подразумевает, что благодаря Витте он оправдывает деяния сегодняшние. И сам не замечает, что чем больше он старается, тем виднее та самая разница, которую он молчаливо предполагает отсутствующей. Да при всем купеческом авантюризме Витте он смотрится настолько приличнее тех, кого «нейролингвисты» подсовывают сегодня, что «мифология»-то не строится! Ну — почти точно как укрепления в Порт-Артуре накануне русско-японской войны.

Далее Сванидзе рассказывает об «высоком авторитете золотого рубля». Не будем повторять полуанекдотических историй того времени, пересказываемых Сванидзе с наслаждением старой

сплетницы. Заметим действительно анекдотическую ситуацию, создаваемую незаметно для себя самим Сванидзе — в качестве экспертов при рассказе о реформе Витте выступают Кудрин и Гайдар.

Вообще-то трудно сказать, было ли таким уж однозначным благом введение золотого обеспечения рубля (а также прочие элементы финансовой реформы Витте) и не имело ли это каких-либо отдалённых последствий «похмельного» свойства для российской экономики на фоне временных улучшений (вроде оскудения золотого запаса и т.п.). Если пригласить в консультанты графа Алексея Павловича Игнатъева, члена Государственного совета с 1896 по 1906 г (до самой своей трагической гибели), то и эта реформа представляется бесспорным злом для России. Витте встретил в Игнатъеве настолько упорного противника, что с нескрываемым раздражением говорил: «Достаточно мне сказать *да*, чтобы Алексей Павлович сказал *нет!*» Во введении золотого рубля Игнатъев видел несоответствие коренным интересам земледельческой России, облегчение порабощения русской промышленности иностранным капиталом. Наш доблестный «нейролингвист» или не читал «Пятьдесят лет в строю», или же изволил прикидываться, что не читал.

Но, как бы там ни было, пока Сванидзе не записал графа А.П. Игнатъева в марксисты, отметим, что главное достижение тогдаш-

ней реформы, пусть кратковременное, все-таки видно: благодаря введению золотого обеспечения рубля наступила столь необходимая финансовая и экономическая стабилизация. Финансовые спекулянты лишились возможности играть на курсовой разнице рубля на внешнем и внутренних рынках. Выросли поступления в казну — в частности, за счёт винной монополии и сосредоточения в государственных руках железных дорог. Для того, чтобы это понять, не требуется особых заслуг на экономическом поприще. Может быть, «заслуженные эксперты» поведают нам нечто такое, о чем наши дилетантские мозги и не догадываются?

Но что это? «Заслуженные эксперты» от «демреформ» ни слова не говорят о сути реформ Витте! Они лишь лопочут что-то совершенно невнятное с употреблением ничего не означающих «макаваков» типа «респектабельности валюты» и «привлекательности для инвестиций». Казалось бы, следует просто плюнуть и пропустить их бред мимо ушей. Но! Ведь выбор-то «экспертов» вовсе не случаен. Оба занимали ключевые посты в правительстве, оба на разных стадиях «демшизных реформ» показали полную несостоятельность доктрины этих «реформ», но доктрина-то *остается на вооружении* существующего режима! И эти донельзя опротивевшие всем (даже «образованцам», для которых и предназначен весь «проект» «хронического идиотизма», или «исторических хроник») персонажи маразмического паноптикума олицетво-

ряют собой незыблемость курса, который объявляется «безальтернативным». В качестве подтверждения лозунгов этого «курса» берется реформа Витте, без всяких оснований, просто «притянутая за уши».

Помните, с чем приходила к власти каждая из демшизоидных «команд»? Вот сейчас к нам рекой потекут инвестиции, и нам будет на что поднимать экономику «по-правильному»! Только вот потерпите чуть-чуть, до «рыночного рая» осталось совсем немного. Ну, точно как в детской классике: Буратино сначала уговорили закопать монетки на Поле Чудес, произнести «Крэкс, фэкс, пэкс» и немного подождать. Что потом было, расскажет каждый дошкольник. Аналогия, точная просто до безобразия: «На дурака не нужен нож, ему с три короба наврешь, и делай с ним что хошь!» — песенка про «мудрого» Витте; создатели «проекта» — лиса Алиса и кот Базилио; «образованец», внимающий «проектантам» и сидящий над своими закопанными монетками вот уже тринадцатый год в ожидании чуда (инвестиций) — «богатенький» Буратино.

Если бы только у нашего «образованца» хватило мужества встряхнуться и трезво взглянуть, что за аналогию ему «впаривают» — между реформой, давшей стабильность и подъем, и «реформами», разрушившими экономику и породившими жуткий хаос! Тут нет ничего общего, даже само слово «реформа» — и то не годится, поскольку Витте при всем его авантюризме действитель-

но был *реформатором*, т.е. инициатором улучшающих жизнь преобразований (даже пускай временных и опасных в перспективе) *без изменения существующего общественного строя*, а лопочущие куклы, извлеченные в «проект» Сванидзе из корзины для использованной туалетной бумаги, — исполнители никаких не реформ, а мероприятий по *реставрации самого омерзительного варианта капитализма* — криминал-компрадорского, причем не только не с улучшением жизни, а с физическим уничтожением подавляющего большинства населения страны (мы с 1992 г теряем в среднем по миллиону в год, т.е. режим методично *уничтожает* каждый день по 3 000 человек. Каждые 2 дня — по Цусиме! Каждые 10 дней — по Порт-Артуру!)

Эдакое снилось ли Витте даже в самые черные его дни? Впрочем, как отмечается в статье Д. Никитича и Ф. Логинова, посвященной разбору «проекта» Сванидзе, «очень возможно, что Гайдар и Кудрин и вправду искренне не понимают, в чем отличие реформы Витте от их дел...

Говорят, что самый лучший способ вывести из строя остервеневший постоянной ночной работой соседский телевизор за стеной — это внушить дебильному сынку соседа, что он великий телемастер и должен починить папин телевизор, потому что у Гошиного папы телевизор работает лучше... Вот и поручили гайдарам «выправлять» экономику, а сванидзам и им подобным — «вы-

правлять» историческое сознание масс. В результате имеем то, что имеем: «хронический идиотизм» (пардон, «исторические хроники»).

Обратим внимание еще на один тезис Керсновского: он подчеркивает, что средства на строительство КВЖД были взяты из военного бюджета, и тем самым Витте обескровил армию. Обескровил не только в переносном, но в буквальном смысле слова: за недостаточную и несвоевременную подготовку к войне нашим солдатам, матросам и офицерам пришлось расплачиваться своей кровью, огромными потерями.

Это перекликается с еще одним сюжетом Сванидзе, в котором вбрасывается очередной «мощный» антисоветский миф: он сообщает, что Витте знаменитый Транссиб построил всего за 10 лет — гораздо меньше, чем СССР ухлопал на БАМ. Этот миф, конечно же наш «нейролингвист» не первым пускает в ход. Сия «макавка» очень давно и очень часто используется для того чтобы «наглядно доказать» в глазах обывателя-«образованца», насколько эффективнее «рыночная», т.е. капиталистическая экономика в сравнении с «командно-административной», т.е. социалистической — дескать, смотрите, в конце XX века неэффективные совки, вооружённые современными технологиями и машинами, провозились с более коротким БАМом дольше, чем за сто лет до этого капита-

листы с грандиозным Транссибом с преимущественно ручным трудом. Вот, учитесь, как надо правильно делать.

Нет нужды подробно пересказывать все враки, содержащиеся в этой фразе. Это достаточно обстоятельно проделано в упомянутой выше статье Никитича и Логинова. Здесь же уместно акцентировать роль Витте в том, что было сделано накануне русско-японской войны. То, что КВЖД и ЮМЖД были построены за счет срыва сразу двух военных программ — сухопутной и военно-морской, — это экономическая политика Витте. То, что делалось в микромасштабе на Квантунском полуострове (строительство коммерческого порта Дальний в ущерб совершенно необходимому укреплению военно-морской базы Порт-Артур), просто повторяло аналогичную макроэкономическую политику того же «финансового гения». Но даже в чисто инженерном плане — мало того, что в КВЖД и ЮМЖД были вложены «несанкционированные бюджетные средства», — сами-то эти дороги не являлись тем Транссибом, который возникает в представлении нашего «образованца» как гигантской протяженности путь от Москвы до Тихоокеанского побережья!

Тот Транссиб, к которому апеллирует Сванидзе как детищу Витте, «давшего образец, как надо строить дорогу правильно», в противовес «совкам», как раз и не являлся ни в коем разе «правильно» построенной трассой! За 10 лет был построен не Транс-

сиб, а то, что как раз послужило причиной всех конфликтных ситуаций и на много лет вперед — аж до 1945 года — совершенно расстроило все наши дальневосточные дела. «Тот» Транссиб (т.е. та дорога, строительство которой было начато в 1891 г. по указу Александра III) — вообще-то не имел отношения к Витте, поскольку высочайшее решение было принято еще в 1887 г, за три года до назначения Витте в министерство путей сообщения. Сванидзевский «гений» только приступил к исполнению принятого решения. Более того, с 1890 по 1892 г Витте состоял всего лишь начальником отдела в МПС, а возглавил министерство уже *после* начала работ. И пока был жив Александр, он, в общем неплохо, исполнял то, что полагалось.

Но сразу после смерти царя он начал носиться с проектом «спрямления» дороги через Маньчжурию, и в итоге, начиная от Читы, дорога пошла «не так» со всеми вытекающими отсюда известными нам последствиями. Вспоминая опять дебаты в Государственном совете, отметим яростные протесты А.П. Игнатьева и его многочисленных сторонников против проведения дороги через Маньчжурию. Еще в 1896 г. Игнатьев решительно заявлял, что проведение жизненной для нас артерии по чужой территории может рано или поздно повлечь за собой конфликты. Что получилось из «блестящего» руководства Витте, можно видеть из знаменитых

мемуаров генерала А.А. Игнатъева, сына А.П. Игнатъева — «Пятьдесят лет в строю»:

«...Стальная броня вагонов... была поставлена для предохранения пассажиров от обстрела хунхузами. Впрочем, в этом случае рекомендовалось ложиться на пол, так как броня доходила только до нижнего края оконных рам...

В Иркутске предстояла пересадка... Байкал разрывал нашу единственную коммуникационную линию — однокольную железную дорогу, и японцы, конечно, учитывали этот пробел в нашей подготовке к войне. К вечеру мы снова очутились в поезде, но он уже не имел ничего общего с сибирским экспрессом. Мы сидели в грязном, нетопленном вагоне, забитом до отказа людьми всякого рода... В Харбине мы простились... с главной железнодорожной магистралью Москва-Владивосток. Отсюда, почти в перпендикулярном направлении, отходила ветка на Мукден — столицу Маньчжурии, дальше — на Ляоян и Порт-Артур...

Эта магистраль сыграла решающую роль во всей несчастной войне. Она была единственной артерией, которая не только пополняла нашу армию, но и питала ее...

Эту хрупкую однокольную железнодорожную ниточку, вероятно, видели во сне все представители высшего командования, как русского, боявшегося от нее оторваться, так и японского, стремившегося ее перервать».

Заметим, что А.А. Игнатъев ехал на войну в феврале 1904 г., т.е. после того, как регулярное движение поездов по КВЖД и ЮМЖД уже было открыто. Ехал он в составе группы офицеров Генерального штаба, т.е. с максимально возможными удобствами, какие можно было себе тогда представить. И даже при этих условиях можно заключить, что более-менее «нормально» (в бронированных вагонах) можно было доехать только до Иркутска, т.е. пока дорога не уперлась в Байкал.

Т.е. тот Транссиб, что был задуман, на самом деле Витте испортил настолько, насколько мог, и после него еще аж 10 лет пришлось все исправлять. «Правильный» Транссиб должен был идти вдоль Амура и был достроен не в 1911 г., как пишет Керсновский, а только в 1914 г. (а если считать, что полноценной дорога может считаться только при наличии минимум двух путей, то в 1916 г). И строился он исключительно на государственные, т.е. бюджетные деньги, не говоря уже о том, что основной упор делался на использование труда каторжан. «Общее число ссыльнокаторжных в Приамурском крае к 1895 г. составляло свыше 11 тыс. человек. Были созданы стационарные лагеря, состоящие из барачков для каторжников, помещений для охраны, столовых, бань, наблюдательных вышек».

Здóрово, да? Прямо сплошные «либерально-рыночные» меры, как раз для того, чтобы г-ну Сванидзе можно было побрызгать ядовитыми слюнями и соплями по поводу «сталинского Гулага»!

«Дипломированный историк» Сванидзе обязан знать — именно как историк — что во время «либерального» строительства Транссиба в 90-е годы в народе получило хождение словечко «колесуха» — страшная игра слов, вызывающая ассоциацию с одним из самых жутких видов казни и означающая осуждение на каторжные работы по прокладке этой самой железнодорожной магистрали. Учитывая невыносимые условия, сюда сгоняли самых отпетых уголовников под самой суровой охраной. В самом начале работ, в 1891 г., с «колесухи» был совершен массовый побег, от которого пришла в ужас вся Восточная Сибирь и Дальний Восток. В действие был приведен чуть ли не весь Забайкальский военный округ, развернулась самая настоящая война с беглыми каторжниками. После этого охрана была усилена настолько, что — куда там рудники Нерчинска! «Бежать с колесухи» означало в преступном мире расписаться в том, что ты отпетый из отпетых. На такое решались только бессрочники, для которых не существовало никаких перспектив, кроме безымянной могилы вровень с землей поблизости от насыпи. И сложилась особая практика побегов — брать с собой молодого «салабона», который должен был служить «коро-

вой», т.е. «живыми консервами». Разумеется, при подготовке побега ему об этом знать не полагалось.

Точь-в-точь — байки «нейролингвистов» о «серебряном веке» России на рубеже XIX-XX столетий и грядущем «рыночном рае» в «мировом сообществе», куда нас зовут господа дерьмократы устами Сванидзе, Никиты Михалкова и иже с ними.

Ну, и где же пресловутые «10 рыночных лет на Транссиб?» Только в жульнических «хрониках» г-на Сванидзе, да еще в «образованных» сплетнях. «Правильная» организация дела (т.е. по «виттевским» правилам) как раз и привела к тому, что вместо «дороги жизни» была построена «дорога смерти». Именно потому, что «гений» Витте рассуждал не как государственный деятель, а как заурядный купчишка с повадками местечкового еврея. А ездил ли сам Витте хоть разок по КВЖД и ЮМЖД? Что-то об этом в исторических документах особо не упоминается.

Прав был граф А.П. Игнатъев, прав на все 100%! Интересно, как расценят наши «нейролингвисты» его заведомую «предвзятость» по отношению к Витте, ведь А.П. Игнатъев был еще бóльшим монархистом, чем сам царь, за что и погиб в результате акции, организованной царской охранкой.

Занятно, конечно, получается. Желая «убедительно» показать, что события 1905 г. имели причиной поражение России в войне с Японией, Сванидзе вольно или невольно вытаскивает на

свет божий действительные причины этой войны, характеризующие как раз крайнюю гнилость царского режима, но изо всех сил старается показать, что они-то и есть процветание! Простое приведение фактов в логическую и историческую связь ставит все на свои места, но вот как раз этого и нельзя допустить нашим «нейролингвистам»!

Это особенно хорошо видно при упоминании о забастовке на Путиловском заводе.

Конечно же, причиной забастовки выставляется сдача Порт-Артура. Получается почти что лубочная картинка: пока Порт-Артур держался, рабочим было наплевать и на невыносимые условия труда, и на издевательские расчеты при выдаче зарплаты, и на 14-часовой рабочий день, и на жуткие жизненные условия в рабочих кварталах — как же, они обожали своих добрых и мудрых хозяев и вовсе не думали бастовать, а работали «за веру, царя и Отечество», отдавая все силы ради победы в войне. А вот как только сдали Порт-Артур, то сразу кинулись бастовать.

Г-ну Сванидзе, похоже, ни разу не пришлось ни посмотреть запись своих передач, ни хотя бы самому маленько прислушаться, что он изволит говорить.

Как он представляет себе связь между требованиями бастующих и сдачей крепости? Г-н Путилов-то при чем? Повторяя издевательский вопрос Никитича и Логинова, он что — по совмес-

тительству японский главнокомандующий? И требования рабочих могли заставить его отдать приказ японским войскам вернуть Порт-Артур русским?

Если уж г-ну Сванидзе так невыносимо желательно делать идиотами своих благодарных слушателей из числа «образованцев», то зачем же выставлять таковыми предков, причем как рабочих, так и капиталистов одновременно?

Сванидзе тут же переключается на то, что «вскоре бастовал уже весь Петербург»... Тоже, видать, исключительно ради выражения несогласия с занятием японцами Порт-Артура. У рабочих ну никаких других проблем, которые можно было бы решить забастовкой, не было... Впрочем, Сванидзе меньше чем через минуту сам себя и опровергает, перечисляя пункты требований рабочих в петиции царю, которую несли для вручения на высочайшее имя 9 января. Требование прекратить войну (нет, не «вернуть Порт Артур!») там только всего лишь одно из многих.

А вот Сванидзе рассказывает о Цусиме, показывая «эскадру Рожественского». На самом деле на заднем плане виднеются силуэты американских боевых кораблей первой трети XX века. Опять тупая и наглая липа, выдаваемая по принципу «пипл схавает» — лишь бы что-то показывать, неважно что.

Кстати, подобный прием один к одному повторяется и у Никиты Михалкова в его «Русском выборе», когда он точно таким же

проникновенным голосом рассказывает о грустной судьбе русского Черноморского флота, ушедшего в 1920 году на французскую военно-морскую базу Бизерта. Повествуя о митинге на миноносце, он демонстрирует строй матросов на палубе под длиннющим стволом 12-дюймового орудия главного калибра. Подумаешь! Пипл все схавает — а самому «нейролингвисту» совсем даже не обязательно отличать миноносец от броненосца.

Потом Сванидзе, усиленно выставляя на первый план «честные» глаза и все так же маскируя перекошенную враньем физиономию, скорбно повествует о том, как не умеют воевать русские и какими умелыми и благородными оказались японцы. Вообще — сквозит явная мысль — не умеем мы воевать. Вот, смотрите, на параде у японского императора бывшие наши корабли — целая армада, вступившая в строй после подъема и ремонта (снова прием «пипл схавает» — показывается броненосец якобы «Хидзен», бывший «Ретвизан», и демонстрируется силуэт двухтрубного корабля, хотя «Ретвизан» во всех вариантах был трехтрубным. Кроме того, упоминать в контексте Цусимы корабли из Порт-Артурской эскадры — это тоже передергивание карт, причем настолько грубое, что даже стыдно за самого «нейролингвиста»). Ах, куда там нам против японцев! Взались, неразумные, не за свое дело, и вот, конечно же, получили. И зачем вообще было огонь открывать против таких-то симпатичных, благородных, милых саму-

райчиков? Вот сдаться на милость победителя — это да, это хорошо! Вот и пленных не то, что не притесняли — а даже позволяли жениться на японках. Ну чего нам еще желать-то? — вопрошает Сванидзе.

Это высказывание наглядно демонстрирует шкалу ценностей самого г-на Сванидзе. Особенно если вспомнить о судьбе защитников Сахалина — единицы из чудом оставшихся в живых после геноцида «милых и благородных самурайчиков» русских офицеров все были с отрезанными вместе с обручальными кольцами пальцами. Уничтожив на Сахалине их жен и детей, «милые самурайчики» загнали искалеченных пленных в провинцию Нагато на попечение японских женщин — это, по-видимому, и имеет в виду Сванидзе, когда говорит о «позволении» русским пленным жениться на японках.

Странно, что он не пригласил в качестве эксперта именно в этом месте своего «проекта» Ирину Хакамаду. Впрочем, кто знает — может, и приглашал, да она не согласилась. Вдруг она подумала — а что, если ее папа случайно мог оказаться потомком «завоевателей» Сахалина? Ведь среди зрителей столь же случайно мог оказаться и потомок камчатских охотников, которые стреляли лучше любого современного снайпера!

Кстати, безапелляционно утверждается, будто Николай II называл японцев «жёлтыми макаками». Единственный источник это-

го — все те же мемуары Витте. В то же время *ни одного документа*, в котором царь бы их так называл, не найдено — несмотря на заверения Витте, что их в архивах полно. Похоже, Сванидзе перепутал документы времен русско-японской и Второй Мировой войны, где в адрес японцев предостаточно заявлений такого рода как со стороны противников (англичан и американцев), так и союзников (немцев).

Вот такой он, «объективный» источник сведений, — наш кумир, «гениальный» Витте.

Далее Сванидзе желает немного «подбодрить» удрученного потерей флота «пипла». Он идёт уверенной походной по пирсу Путиловских верфей (бедняга Путилов — и как его так угораздило подвернуться под руку нашему «нейролингвисту»?) и рассказывает, как «вот здесь Россия буквально за несколько лет выстроила взамен утерянного новый, ещё более мощный, флот». Съёмки на фоне ремонтирующегося корабля. Сванидзе подводит зрителя к «запрограммированному выводу», что вот тогда флот потеряли, но построили (даже ещё более мощный) — и сейчас тоже... Флот потеряли (правда без войны, зато благодаря «реформам», которые, как неожиданно для себя показывает сам Сванидзе, страшнее всяких войн и разгромов — потери флота за 1990-2004 годы составили ни много ни мало *30 Цусим!*) — ну, новый построим. И даже ещё мощнее старого (советского).

Тут же он «упреждает» вопрос внимательного зрителя: а на какие шиши нынешняя «демократическая» Россия сможет построить «новый ВМФ»? Всё ведь разворовали да в оффшоры повывезли... Да, спрашивает Сванидзе, а на какие деньги это было сделано? И сам же на свой вопрос отвечает, объясняя «тонкости рыночной экономики»: а вот — во всём заслуга мудрого Витте. Так и мы — нам нужно только правильно голосовать и умного экономиста (Гайдара к примеру, Грефа какого-нибудь... Ну вот Фрадков — прямо душечка!) выбрать во власть. А уж там — и флот возродим, и вообще все будет! Главное — палочка-выручалочка под названием «рынок».

Ну разве важно при этом, что иностранные займы, на которые строился новый российский флот, привели к сумасшедшей зависимости экономики от иностранного капитала, которая и послужила непосредственным поводом для будущей иностранной военной интервенции и гражданской войны! Ни в Государственном совете, ни в Государственной Думе возразить-то уже было некому — А.П. Игнатьева убили руками эсеровского придурка.

И это при всем том, что определенные выводы из опыта русско-японской войны были нашими моряками и кораблестроителями все-таки сделаны — русские корабли Первой мировой были в основном отечественной постройки и по боевым качествам превосходили аналогичные единицы противника. В этом убедились

немцы, которым пришлось полностью очистить акваторию Черного моря и по возможности не совать носа на Балтику. Те самые немцы, которые создали «патовую» ситуацию в Северном море, парализовав действия британского «Грэнд-флита» у самых берегов метрополии и наведя такой ужас на английское Адмиралтейство, который можно только сравнить с впечатлением от побед нашего адмирала Ушакова. Но высшее-то руководство осталось тем же! Только, правда, Витте был тут совсем уж ни при чем.

Но вот Сванидзе добрался, наконец, до своего любимого сюжета — о прибытии Витте на переговоры в Портсмут. Похоже, наш «нейролингвист» только здесь ведет себя искренне. Он не менторствует. Он, как ребёнок, готов хлопать в ладоши, рассказывая об «имидже» политика Витте. Он приходит в полный восторг, описывая восприятие Витте в Америке как «своего». Полный «апофегей», если использовать меткое словечко Ю. Полякова, сегодняшнего редактора «Литературной газеты».

Ах, как же он великолепно ведет себя «на публике», как же вкусно американскому «пиплу» «хавать», то, что ему преподносит Витте! Ах, посмотрите, как его встречают американские финансовые тузы! Смотрите, смотрите, как им очарованы японцы, они же заранее готовы принять все его условия! Как же великолепно, что именно Витте отправился подписывать мир с японцами, ведь лучшего представителя Россия и представить себе не могла! Какое

счастье, что у сегодняшних дипломатов есть такой блестящий пример для подражания! Проклятые большевики только потому и замалчивали опыт Витте, что они ему в подметки не годились по части умения вести диалог с Западом!

Кстати, мемуары Витте переиздавались при Советской власти трижды. Это — по поводу «замалчивания опыта».

Что касается содержания Портсмутского мирного договора — уже отмечалось выше. Условия Портсмута фактически закрепляли де-юре крах всей дальневосточной политики России на рубеже веков. Витте поставил подпись, которая подвела черту и под его собственной деятельностью на двух министерских постах — министра путей сообщения и министра финансов. Финансовые тузы Америки (главным образом, сионистского толка) применили против Витте точно такой же прием, какой он сам незадолго до этого применял против китайских дипломатов при учреждении Русско-Китайского банка и подписании конвенции о Квантуне — ему дали взятку. Только эта взятка была оформлена очень «профессионально» — здесь-то действовали не местечковые евреи, а глобальные действительно суперфинансисты! Помните, как хлопал в ладоши Сванидзе, отмечая теплый прием Витте в «деловых кругах» Америки, где он был «своим в доску»? Настолько своим, что во время переговоров в Портсмуте Витте ухитрился еще и поиграть на бирже, заработав при этом небольшой гешефт в виде

миллиончика долларов. Что вы, разве можно рассматривать это как взятку? Это просто «человек дела», «супер-менеджер». Что там потеря Курил, половины Сахалина и т.п.? Ведь он же в итоге избавил Россию от контрибуции!

Ха! Избавил? Те же самые американские дельцы, которые якобы «продали» японцам половину Сахалина, «подмазав» Витте и «кинув» японцев с фигой с маслом вместо обещанного послевоенного кредита, тут же и надоумили японцев, как им не остаться внакладе. За «образцовое содержание русских пленных» (помните разливы г-на Сванидзе по поводу самурайского благородства в отношении к побежденным?) японцы содрали с нас ни много ни мало *сто восемьдесят миллионов* золотых рублей. Это, по мудрому совету американских «шефов», японцы ни в коем случае не именovali «контрибуцией». На эти деньги запросто можно было полностью переоборудовать и Порт-Артур, и Дальний по самому последнему слову техники, заодно построив несколько новейших кораблей и восстановив все разрушения на ЮМЖД. Что японцы и не замедлили сделать. А в западной историографии сохранились по этому поводу только сочувственные вяканья о «вероломстве» американцев (опять бедных японцев обидели!).

Так что американцы «кинули»-то вовсе не японцев. «Кинули» как раз нас, «кинули» по всем статьям через «блестящего», «гениального» политика, дипломата и финансиста Витте, который

раскланивался с японцами и играл на бирже на свой «гешефт», в то время как тихоокеанская вода вокруг Сахалина кипела от русской крови.

И чтобы он не очень забывался на предмет того, кто у него настоящий хозяин, президент Теодор Рузвельт на прощание вручил ему письмецо для царя с протестами супротив русского антисемитизма. Конечно же, сопроводив напутственными словесами о том, что «если бы Витте родился американцем — обязательно стал бы президентом!».

В «интертрепации» г-на Сванидзе прощальный пинок Рузвельта выглядит как высшая похвала. Похвала «гениальному» Витте, похвала самому себе, любимому, такому «честному историку», такому «высокопрофессиональному» «нейролингвисту», сумевшему так хорошо показать аналогию между Витте и современными «реформаторами», «возвращающими» Россию на «правильный» путь.

Заодно и сделавшему пусть неуклюжий, но «книксен» перед современными представителями «несчастливого, угнетенного» российского нацменьшинства, о котором вез царю письмецо в своем саквояже Сергей Юльевич Витте. Вроде условного знака: я, ребята, свой в доску! Так же, как Витте в Америке!

Эх-ма! Побольше бы таких «президентов» Америке — нам бы куда лучше жилось! Причем в настоящем, а не в «демшизов-

ском» понимании этого слова. А заодно сплавить бы туда и всех «нейролингвистов» вроде г-на Сванидзе и иже с ним.

Самое оригинальное, что всю махровую «мифологию» Сванидзе, опирающуюся на «суперфигуру» Витте, решительно и бесповоротно опровергает не кто иной, как... сам Витте!

Вернувшись из Америки, Витте очень даже рассчитывал увидеть Россию успокоенной и возвратившейся к мирной жизни. Как же — война «за корейские дрова», как презрительно именовали русско-японскую войну в народе, наконец-то закончена, мир подписан, в графья произведен — вроде бы есть все основания для торжества. И что же он увидел?

Сергей Юльевич Витте – отставной министр, пенсионер и мемуарист

Слово Сергею свет Юльевичу:

«...вернувшись из Америки..., я застал Россию в полном волнении, причем революция из подполья начинала всюду вырываться наружу; правительство потеряло силу действия, все или бездействовали, или шли врознь, а авторитет действующего режима и его верховного носителя был совершенно затоптан. Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция все грознее и грознее выскакивала на улицу, она завлекала все классы населения. Весь высший класс был недоволен и ожесточен; вся молодежь, и не только университетская, но и высших классов средних учебных заведений, не признавала никаких авторитетов, кроме тех, которые проповедовали самые крайние революционные и антигосударственные теории; профессора в громадной части стали против правительства и действующего режима и авторитетно, не только для молодежи, но и для большинства взрослых, провозгласили: «Довольно, нужно все перевернуть»... чиновники, видя близко многие порядки в канцеляриях и систему протекций, развитую в царствование Николая II до гигантских размеров, стали против режима, которому служили; войско было взволновано всеми позорными неудачами войны и винило во всем совершенно основательно правительство, но, кроме того, с заключением мира явилось особое обстоятельство, внесшее большую смуту в войска, особенно оставшиеся в России: с заключением мира по закону нужно было отпустить всех, призванных на время войны, но так

как в России войск оставалось очень мало, то их не отпускали, они начали волноваться, через это революционеры нашли легкий доступ в войска, в войсках начались вспышки непослушания, в некоторых случаях маленькие выступления в пользу революции с оружием в руках, поэтому многие думали, что на войска рассчитывать нельзя, и боялись возвращения армии с Востока...

Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту и что общий лозунг заключался в крике души: «Так дальше жить нельзя», другими словами, с существующим режимом нужно покончить. А для того, чтобы с ним покончить, явились борцы действия и мысли во всех без исключения классах населения, и не единичные, а исчисляемые многими тысячами...

Все объединились в ненависти к существующему режиму... Все более или менее сознательно, а кто и не сознательно, требовали перемен, встряски, искупления всех тех грехов, которые привели к безумнейшей, позорнейшей войне, ослабившей Россию на десятки лет... Войны никогда бы не было, если бы император не сделал все, чтобы она произошла...

Итак, к концу сентября 1905 г. революция уже совсем, если можно так выразиться, вошла в свои права — права захватные. Она произошла оттого, что правительство долгое время игнорировало потребности населения, а затем, когда увидело, что смута выходит из своих щелей наружу, вздумало усилить свой пре-

стиж и свою силу «маленькой победоносной войной» (выражение Плеве). Таким образом, правительство втянуло Россию в ужасную, самую большую, которую она когда-либо вела, войну. Война оказалась для России позорной во всех отношениях, и режим, под которым жила Россия, оказался совсем несостоятельным — гнилым...

Явился вопрос, что же делать?.. Вопрос этот резко был поставлен заревом революционного пожара».

Ах, бедные, бедные г-ны Сванидзе и прочие «нейролингвисты», ну как же их подвел их кумир! После такого-то «блестящего» визита в Америку — и такое прямо-таки марксистское заключение о положении в России написать! А они-то так старались, так старались — и вот, на тебе.

А ведь целых сто лет с тех пор прошло. Что же теперь-то делать?

Выпрямлять нашу дорогу пора. Как выпрямляли Транссиб после Витте.